

Каксин А. Д.

ГРУППЫ СЛОВ, СВЯЗАННЫХ С НОМИНАЦИЕЙ, ХАРАКТЕРИСТИКОЙ И ОЦЕНКОЙ ЧЕЛОВЕКА, В СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья отражает результаты предварительного исследования темы, связанной с изучением проблем «язык и мир, отраженный в нем» (с привязкой к проблемам лексикологии и лексикографии). Современная этнолингвистика (с когнитивным уклоном) характеризуется сложностью определения базовых понятий: «лексическое поле», «семантическая структура», «картина мира», «категоризация понятий в языке», «когнитивная семантика», «концепты», «фреймы», многих других. В статье описывается деление группы слов, связанных с номинацией человека, на три подгруппы: слова *называющие* (*χánti* ‘человек; ханты’, *χḗ* ‘мужчина’, *пe* ‘женщина’ и другие), *характеризующие* (*χon* ‘царь’, *veḗpas χḗ* ‘охотник’, *mis пe* ‘доярка’, *piḗ* ‘попутчик’, *lḗχas* ‘друг’, *ás* ‘родитель’ и другие) и *оценивающие* (*tuvrem* ‘хулиган; непоседа, баловник’, *uli-muli* ‘глупый; глупыш; забывчивый’, *χáγχ-murχ* ‘равнодушный; нелюдимый, бирюк’, *silka* ‘такой-сякой; сволочь; вражина’, *χот* ‘черт; проклятый’ и другие). Анализ словарного состава, соотносимого с человеком (или с образом человека), позволяет уже на первом этапе выявить три функционально-семантические подгруппы, а в ходе дальнейшего исследования можно определить также возможности семантического перехода между ними (можно выяснить, в частности, как слова называющие и характеризующие могут быть использованы в качестве оценивающих). Указывается на недостаточное представление в словарях хантыйского языка слов третьей подгруппы, на необходимость сбора информации о таких словах и подготовке к изданию словаря ‘*антропологической*’ лексики хантыйского языка (толково-комбинаторного типа).

Ключевые слова: *Именная лексика, функции различных (групп) слов, номинация, характеристика, оценка, северные диалекты хантыйского языка.*

В общем языкознании, русистике, финно-угроведении проблематика, связанная с группировками слов, обозначающих *ЧЕЛОВЕКА*, довольно часто была в центре внимания, и в последние десятилетия также появилось немало работ, посвященных вопросам отражения ‘*антропологической*’ семантики в лексикографических изданиях (Балаж, 1972; Лендзел, 1972; Петрищева, 1984; Лукьянова, 1986; Татаринцев, 1987; Елисеев, 1999; Андрианова, 2000; Söder, 2001; Богуславский, 2004; Цыпанов, 2011; Резанова, 2012; Байдак, 2013; Которова, 2013; Вольф, 2014).

Цель состоит в том, чтобы наметить путь описания значения слов с семантикой характеристики и оценки человека в северных диалектах хантыйского языка, и описать семантическую сферу, в которую входят эти слова. В качестве предварительного решения указывается на важность использования методики, основанной на анализе словарной и контекстной информации.

Наше исследование касается той части лексики, которая активно используется для того, чтобы называть, характеризовать и оценивать человека (во всех его «проявлениях»). Иными словами, эту тему можно сформулировать следующим образом: из каких семантических блоков состоит именная лексика, служащая для характеристики и оценки человека, в хантыйском языке (и, предположительно, в других финно-угорских языках). Необходимо рассмотрение и более частных вопросов: смысловые связи и отношения слов, позволяющие сведение их одну макро-группу; цельность и автономность макро-группы слов «Человек, его характеристика и оценка» в хантыйском языке; возможности представления указанной группы в виде словника (по алфавиту и / или в другой рубрикации). Под лексической системой подразумевается небольшая (или средняя) по объему группировка, члены которой объединяются по некоторому, вполне определенному и четко формулируемому, логико-семантическому признаку. Образующими общую систему считаются, как правило, слова одной части речи, но этот признак –

отнесенность к одной части речи – не является обязательным условием. Условиями вхождения в систему являются: тематическое единство (выражение общей идеи), функциональная близость (например, все члены группировки являются терминами, или терминологическими сочетаниями), нахождение в определенной семантической связи или зависимости: в отношениях антонимии, синонимии или других отношениях (при этом, напр., для синонимов – регулярное употребление в разных стилях / жанрах), структурная близость. Относительно последнего свойства: с одной стороны, в одну систему включаются компоненты, разные по степени сложности (слова, сложные слова, словосочетания, предложения-идиомы), с другой стороны, в одном разряде (одной подгруппе) оказываются, действительно, элементы системы, однотипные по структуре (хант. *puχ=ije*, *ev=ije*, *t'öp=ije*; *nims=aη*, *apr=aη*, *t'öp=aη*, *kǎñ=aη*). Например, в рамках данного подхода членами одной группы (компонентами одной системы) признаются термины родства и свойства.

Особенностью намечаемого исследования является явно выраженный типологический подход. Это означает, что в каждом отдельном случае может быть поставлена задача: насколько изучаемое лексическое явление свойственно только хантыйскому языку и насколько оно проявляется как общее свойство большой группы языков, в какой мере то или иное распределение языкового материала универсально (обусловлено ли оно свойствами всех языков или языков данной типологической общности).

Еще одной особенностью предстоящего исследования является приверженность антропологизму, стремление к ограничению материала «фактором человека»: в исследуемых словах, фразах, предложениях, текстах речь должна идти о человеке, о «мире человека». Этого условия следует придерживаться и в том случае, если некоторые проблемы вполне определенно предполагают использовать материал другого свойства; например, можно проводить сравнение лексики, описывающей поведение человека, а с другой – повадок зверей и животных, или: в какой мере наименования представителей фауны (а также и флоры) используются для характеристики человека.

После проведения исследований в этом направлении может быть составлен толково-комбинаторный словарь (напр., хантыйского) языка. Предварительно должны быть определены теоретические предпосылки его создания, а также изданы рабочие материалы словаря (несколько ежегодных выпусков). Материал названных выше языков, с точки зрения организации лексических микросистем, интересных и специфических в том или ином отношении, проводится с позиций традиционной структурной лингвистики (ее раздела – лексикологии), с использованием традиционных методов изучения лексической семантики. Грамматический ярус языка затрагивается в той мере, в какой выражение той или иной грамматической категории ограничено семантикой единиц, подлежащих словоизменению, или если имеется специфика грамматического изменения членов некоторой лексической группы. В частности, это может быть тематическая группа слов, имеющих только форму единственного числа (или, напротив, только множественного). С другой стороны, возможно изучение средств выражения, прежде всего лексических, функционально-семантических категорий, имеющих отношение к «фактору человека» (например, категорий принадлежности, оценочной модальности). Относительно последней, можно учесть следующее важное замечание: «В предложении, содержащем модальный компонент, ... не только сообщаются некоторые сведения о мире, но и выражается отношение говорящего к тому, что он сообщает. Это отношение и называется, обобщенно, “оценкой” ... Различается несколько важнейших типов оценочных значений – в зависимости от того, какой именно параметр ситуации подвергается оценке и по какой “шкале” он оценивается говорящим как в ту или иную сторону отклоняющийся от нормы. Возможна, например, оценка по степени интенсивности реализации ситуации (‘сильно’ ~ ‘слабо’) или ее *этическая* оценка (т.е. по шкале ‘хорошо’ ~ ‘плохо’, ‘правильно’ ~ ‘неправильно’) и т.п.» (Плунгян, 2000: 309–310).

Материал названных языков может быть изучен и в рамках такого подхода, как когнитивный & концептуальный (или когнитивный). Под этим понимается описание конкретного языка не по уровням – фонетическому, лексическому, грамматическому (морфологическому и синтаксическому), т.е. в традиционном структурном ключе, а в когнитивном. Большое множество названий льда и снега в северных самодийских языках – это адекватный (и часто приводимый) пример. Когнитивный подход заключается в следующем: строй языка, его подсистемы, категории и единицы рассматриваются как результат познавательной деятельности именно данного человеческого сообщества, данного этноса. Сама деятельность этноса, создавшего этот конкретный язык, мыслится совершенной пусть и не по точному плану, но в определенном направлении. Считаем, что развитие «коллективного разума» этноса шло в определенном направлении, и потому получился тот язык, который получился. Такое предположение подразумевает рассмотрение языка, хорошо известного исследователю, лучше всего – родного. В то же время лингвист должен понимать: когнитивное направление – исследование не только специфических, но часто и широко распространенных, т.е. типологических, черт и характеристик данного языка. Таким образом, сравнение с другими языками не исключается, а в отдельных «пунктах» даже прямо предполагается. К примеру, «алтайским языкам ... чужды многие стороны той образности, которая присуща русскому и другим европейским. Например, здесь не принята метафоризация образов животных: людей не называют ослами, медведями, коровами, божьими коровками, змеями и т.д., хотя иногда и сравнивают с животными» (Черемисина, 1992: 76).

Другими словами, в алтайских языках невозможны словосочетания / предложения типа русск. *А он, собака, ...!* или: *Ну, ты, медведь!* Но встречаются, хотя и редко, сравнительные обороты вроде хак. *адай чярек* ‘злой, жестокий (о человеке)’ (букв. ‘собаки сердце’). «Зато для этих [т.е. алтайских] языков характерен другой тип образности: специфические образные (но не метафорические!) и звукоподражательные слова. Ими особенно богаты тунгусо-маньчжурские языки, а из тюркских – якутский» (Черемисина, 1992: 76).

В данной статье мы коснемся только вопроса описания именной лексики, т.е. слов (хант. *iki* ‘мужчина’, *imi* ‘женщина’), устойчивых словосочетаний типа хант. *muši xö* ‘бедненький; бедолага; болезный’, а также фразеологических оборотов именной природы (типа хант. *piras röxtet* ‘старый, выживший из ума; старый чудака’). Именно такие слова применяются для описания человека как индивида, во всех деталях его натуры, характера, привычек, внутреннего облика. На материале хантыйского языка мы выявили множество подобных слов (в большинстве своем – неучтенных в имеющихся словарях); ниже приведем ряд примеров: *vor* ‘вредина; вредный (человек); с характером’, *völi-sir* ‘странный, непонятный, «не от мира сего»’, *völep-xöler* ‘странный, непонятный, чокнутый, с причудами’, *vüspux* ‘черт (ругат.), паразит (ругат.), сволочь, негодяй’, *karkam* ‘бойкий, проворный, удалый, расторопный, поворотливый’, *kāñan* ‘паразит (ругат.), скотина (ругат.), сволочь, негодяй’, *köñar* ‘бедолага, страдалец, бедненький; бедный, несчастный, жалкий’, *köñar-josaç* ‘бедолага, страдалец, бедненький’, *silka* ‘такой-сякой; сволочь; вражина’, *xom* ‘черт; проклятый’.

Предварительный анализ материала позволяет говорить о первых двух подгруппах как относительно нейтральных в отношении оценки: это слова, являющиеся производными номинативной функции языка, и слова, применяемые преимущественно для классификации (характеристики) по всевозможным объективным параметрам. В первую подгруппу входят такие слова, как *хәнпехö* ‘человек’, *хәнти* ‘человек; ханты’, *xö* ‘мужчина’, *не* ‘женщина’. Иначе говоря, здесь объединяются слова, служащие преимущественно для называния, общей целостной характеристики человека. В этой группе значима преимущественно физическая (общечеловеческая), половозрастная, этническая и семейно-родственная разница между людьми.

Вторая подгруппа – более многочисленная; в нее входят, к примеру, слова и сочетания *хон* ‘царь’, *velpas xö* ‘охотник’, *vön köša* ‘начальник’, *mis ne* ‘доярка’, *pit* ‘попутчик’, *löxas* ‘друг’,

löjyne ‘подруга’. Таким образом, вторую подгруппу составляют слова и словосочетания, которые используются для характеристики (классификации) человека (людей) по социальным свойствам, т.е. по признакам, важным, существенным для человеческого сообщества. Это может быть деление по умениям, навыкам, роду занятий, роли в семье, в профессиональном или ином коллективе, по общим, социально значимым, характеристикам (качествам) и т.п.

Слова из названных двух подгрупп могут использоваться как оценивающие, но при этом должны быть адекватный (подходящий) контекст и соответствующая интонация:

Ätmönti ki lüv äntöm çänneçö! ‘Как будто он не человек!’

Şi aj iken völem: vor, tumtak jurn! ‘Этого парня я знаю: вредный, настоящий ненец!’

Наконец, в третью подгруппу входят слова и словосочетания, используемые для оценки, т.е. преимущественно в тех случаях, когда на первый план выходит субъективно-эмоциональный аспект отношения к кому-либо (или чему-либо). Эти единицы, в свою очередь, также неоднородны: можно выделить слова *нейтральной и скорее положительной* оценки и, в противовес – слова *скорее негативной* оценки. Вот, к примеру, слова нейтральной или положительной оценки:

apraŋ ‘бодрый, бодрячок’, *şakpak* ‘аккуратный’, *pältapli* ‘бесстрашный, храбрец, смельчак’, *jäm şirap* ‘вежливый’, *vünavat* ‘виноватый’, *jäm verata vöntlum* ‘воспитанный’, *jurap* ‘гордый’, *şumat* ‘грустный’, *veşkat* ‘добросовестный’, *uşap* ‘догадливый’, *t’örap* ‘милый, любимый, дорогой’, *tinap* ‘любимый, драгоценный’, *amtap* ‘жизнерадостный’ и т.д.

Слова, негативно оценивающие человека, также образуют автономную и компактную группу:

çärç-murç ‘равнодушный; нелюдимый’, *roçrap* ‘ненадежный, обманщик, пустомеля’, *sämli* ‘безжалостный’, *veş suçli* ‘бессовестный’, *utşam* ‘глупый, бестолковый’, *pältapap* ‘боязливый’, *vor* ‘вредный, недоброжелательный’, *kät venşup* ‘двуличный’, *şakar* ‘скупой, жадный’, *tuvrem* ‘хулиган’, *uli-muli* ‘глупый, забывчивый’, *kev sätur* ‘жестокий’, *silka* ‘такой-сякой; сволочь; вражина’, *çot* ‘черт; проклятый’, *pitasaŋ* ‘надоедливый’ и т.д.

Последняя подгруппа (т.е. та, что содержит оценочную лексику), безусловно, наиболее интересна в семантическом плане. Особенность большинства ее членов можно сформулировать следующим образом: это слова с оценочной коннотацией непосредственно в своей внутренней форме. Многие слова данной сферы являются просторечными (в словарях так и отмечаются, пометкой *прост.*), а также – стилистически и эмоционально окрашенными. Последнее обстоятельство также отражается в словарях, например, с помощью следующих пометок: *бран.* – бранное; *ирон.* – ироническое; *ласк.* – ласкательное; *неодобр.* – неодобрительное; *офиц.* – официальное; *презр.* – презрительное; *пренебр.* – пренебрежительное; *проф.* – профессиональное; *разг.* – разговорное; *ругат.* – ругательное; *унич.* – уничижительное; *усилит.* – усиленное; *устар.* – устарелое; *шутл.* – шутовское и т.д.

Дальнейшее исследование данной лексической группы полагается поэтапным и развернутым (с учетом разных аспектов). На первом этапе – целесообразна таксономия с учетом разных параметров, напр., таких как: вероятность существования в лексиконе данного слова, обозначающего определенное понятие; наличие источников внешнего заимствования; выявление внутрисистемных отношений: проявлений синонимии, антонимии, полисемии. Слова, составляющие одну семантическую подгруппу, помимо общности инвариантных сем в своих значениях, часто бывают связаны синонимическими отношениями. Для многих слов в изучаемых языках характерна многозначность. Типичными для обобщенного значения многозначного слова является наличие от 3 до 7 лексико-семантических вариантов (ЛСВ). С использованием словарей, фактов разговорной речи и литературных текстов выявляются ЛСВ многозначных слов. Попутно определяется и частотность (употребительность) искомых слов. Зачастую (но не всегда) частотность употребления слова связана с широтой сочетаемости. Иногда оказывается, что именно дифференциальные признаки анализируемых слов способствуют их употреблению в определенных контекстах. Многочисленными примерами доказываем, что ЛСВ

многозначного слова образуют внутрисловную семантическую парадигму: эти варианты связаны между собой общими семемами, отличительные же семемы каждого из них выявляются в различных типовых контекстах. Также предполагается решение вопроса о том, в какой мере применимы для языка, выбранного в качестве объекта внимания, принципы описания лексики, разработанные на материале, например, русского языка.

Имеются, безусловно, словари хантыйского языка (и разных его диалектов), наиболее представительными из которых являются словари, составленные В. Штейницем и его сотрудниками (Steinitz, 1966–1991); С. И. Вальгамовой, Н. Б. Кошкаревой, С. В. Ониной и А. А. Шияновой (Диалектологический словарь, 2001), С. П. Кононовой (Русско-хантыйский тематический, 2002); В. Н. Соловар (Хантыйско-русский, 2014). Тем не менее, приходится констатировать: именно в отношении интересующей нас подгруппы (т.е. слов с семантикой оценки человека) они являются неполными. Отсутствие словаря 'антропологической' лексики хантыйского языка (толково-комбинаторного типа) особенно остро ощущают переводчики, преподаватели, группы лингвистов-исследователей. Наши размышления по поводу названной лексической группы могут способствовать расширению работы в данном направлении.

Список литературы

- Андрианова Е. М. Терминология родства в финно-угорских языках волжской и пермской групп: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2000. – 24 с.
- Байдак А. В. Метафоры и образные схемы в селькупском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2013. – № 2. – С. 9–15.
- Балаж Я. Синтагматизация и лексикализация (к теоретическим вопросам лексикологии и лексикографии) // Лексикология и лексикография: Сборник научных трудов. – М.: Наука, 1972. – С. 23–47.
- Богуславский В. М. Оценка внешности человека. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 254 с.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Издание стереотипное. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 284 с.
- Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / Сост. С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарева, С. В. Онаина, А. А. Шиянова / Под общ. ред. Н. Б. Кошкаревой / Институт филологии СО РАН. – Екатеринбург, 2001. – 207 с.
- Елисеев Ю. С. Маленькие желтые словари от Gumtgerus: Финско-русско-финский словарь. – Jyväskylä, 1999. – 430 с.
- Которова Е. Г. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2013. – № 1. – С. 58–67.
- Лендъел Л. «Переносное значение» или «образное употребление» слов? // Лексикология и лексикография: Сборник научных трудов. – М.: Наука, 1972. – С. 48–72.
- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). – Новосибирск: Наука, 1986. – 232 с.
- Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. – М.: Наука, 1984. – 224 с.
- Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
- Резанова З. И. Метафорический образ человека в традиционной культуре: обратимые метафорические модели // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Международной научной конференции. – Екатеринбург, 8-10 сентября 2012 г.: В 2 ч. Ч. 1 / ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. – С. 44–46.
- Русско-хантыйский тематический словарь: Казымский диалект / Сост. С. П. Кононова. – Санкт-Петербург: Филиал издательства «Просвещение», 2002. – 216 с.
- Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. – М.: Наука, 1987. – 200 с.
- Хантыйско-русский словарь (казымский диалект) / В. Н. Соловар / Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. – Тюмень: Формат, 2014. – 386 с.
- Цыпанов Е. А. 'Счастье' и 'удача' в финно-угорских языках // Linguistica Uralica. – 2011. – № 4. – С. 265–275.
- Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 1992. – 92 с.

Söder T. «Walk This Way»: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Acta Universitatis Upsaliensis. *Studia Uralica Upsaliensia* 33. – Uppsala, 2001. – 154 pp.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. – Berlin, 1966–1991.

Каксин А. Д., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Сектор языка.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2017

Kaksin A. D.

GROUPS OF THE WORDS CONNECTED WITH THE NOMINATION, THE CHARACTERISTIC AND ASSESSMENT OF THE PERSON IN NORTHERN DIALECTS OF THE KHANTY LANGUAGE

Article reflects results of a preliminary research of the subject connected with studying of problems “the language and the world reflected in it” (with a binding to problems of a lexicology and lexicography). The modern ethnic linguistics (with a cognitive bias) is characterized by complexity of definition of basic concepts: “the lexical field”, “semantic structure”, “world picture”, “categorization of concepts of language”, “cognitive semantics”, “concepts”, “frames”, many others. Article is devoted to justification of division of group of the words connected with the nomination of the person on three subgroups: the words calling (χănti ‘the person; the Khanty’, χö ‘man’, ne ‘woman’ and others), characterizing (χon ‘king’, vełpas χö ‘hunter’, mis ne ‘milkmaid’, pił ‘fellow traveller’, łöχas ‘friend’, äs ‘parent’ and others) and estimating (tuvrem ‘the hooligan; fidget, mischievous person’, uli-muli ‘silly; silly fellow; forgetful’, χărχ-murχ ‘indifferent; unsociable person’, silka ‘swine; enemy’, χom ‘devil; damned’ and others). The analysis of the dictionary structure correlated to the person (or with image of the person), allows to reveal already at the first stage three main functional and semantic subgroups, and during the further research it is possible to define also possibilities of semantic transition between them (it is possible to find out, in particular, as the words calling and characterizing can be used as estimating). It is specified insufficient representation in dictionaries of the Khanty language of words of the third subgroup, on need of collection of information about such words and preparation for the edition of dictionary of ‘anthropological’ lexicon of the Khanty language (sensible and combinatory type).

Key words: *Personalized lexicon, functions of various (groups) words, nomination, characteristic, assessment, northern dialects of the Khanty language.*

References

Andrianova E. M. Terminologiya rodstva v finno-ugorskih yazykah volzhskoj i permskoj grupp [Relationship terminology in Finno-Ugric languages of the Volga and Perm groups]: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Joshkar-Ola, 2000. – 24 s. (in Russian)

Bajdak A. V. Metaforы i obraznye skhemy v sel'kupskom yazyke [Metaphors and figurative schemes in the Selkup language] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. – 2013. – №2. – S. 9– 15. (in Russian)

Balazh Ya. Sintagmatizaciya i leksikalizaciya (k teoreticheskim voprosam leksikologii i leksikografii) [Sintagmatization and a leksikalization (to theoretical questions of a lexicology and lexicography)] // Leksikologiya i leksikografiya: [Sbornik nauchnyh trudov]. – M.: Nauka, 1972. – S. 23–47. (in Russian)

Boguslavskij V. M. Ocenka vneshnosti cheloveka [Assessment of appearance of the person]. – M.: Izdatel'stvo AST, 2004. – 254 s. (in Russian)

Vol'f E. M. Funkcional'naya semantika ocenki [Functional semantics of assessment]. Izdanie stereotipnoe. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2014. – 284 s. (in Russian)

- Dialektologicheskij slovar' hantyskogo yazyka* (shuryshkarskij i priural'skij dialekty) [Dialectological dictionary of the Khanty language (shuryshkarsky and under-ural dialects)] / Sost. S. I. Val'gamova, N. B. Koshkareva, S. V. Onina, A. A. Shiyanova / Pod obshchej redakciej N. B. Koshkarevoj / Institut filologii SO RAN. – Ekaterinburg, 2001. – 207 s. (in Russian)
- Eliseev Yu. S. Malen'kie zheltje slovni ot Gummerus: Finsko-russko-finskij slovar'* [Small yellow dictionaries from Gummerus: Finnish-Russian-Finnish dictionary]. – Jyväskylä, 1999. – 430 s.
- Kotorova E. G. Kommunikativno-pragmaticheskoe pole kak metod kompleksnogo opisaniya sposobov realizacii rechevyh aktov* [Communicative and pragmatic field as method of the complex description of ways of implementation of speech acts] // Tomskij zhurnal lingvisticheskij i antropologicheskij issledovanij. – 2013. – № 1. – S. 58–67. (in Russian)
- Lend'el L. "Perenosnoe znachenie" ili "obraznoe upotreblenie" slov?* ["Figurative sense" or "the figurative use" of words?] // *Leksikologiya i leksikografiya: [Sbornik nauchnyh trudov]*. – M.: Nauka, 1972. – S. 48–72. (in Russian)
- Luk'yanova N. A. Ehkspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy semantiki)* [Expressional lexicon of the colloquial use (semantics problem)]. – Novosibirsk: Nauka, 1986. – 232 s. (in Russian)
- Petrichcheva E. F. Stilisticheski okrashennaya leksika russkogo yazyka* [Stylistically the painted lexicon of Russian]. – M.: Nauka, 1984. – 224 s. (in Russian)
- Plungyan V. A. Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to a perspective]: Uchebnoe posobie. – M.: Ehditorial URSS, 2000. – 384 s. (in Russian)
- Rezanova Z. I. Metaforicheskij obraz cheloveka v tradicionnoj kul'ture: obratimye metaforicheskie modeli* [Metaphorical image of the person in traditional culture: reversible metaphorical models] // *Ehtnolingvistika. Onomastika. Ehtimologiya: materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Ekaterinburg, 8-10 sentyabrya 2012 g.: v 2 ch. Ch. 1 / [red. kol.: E. L. Berezovich (otv. red.) i dr.]. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2012. – S. 44–46. (in Russian)
- Russko-hantyskij tematicheskij slovar': Kazymskij dialekt* [Russian-Khanty topical vocabulary: Kazymsky dialect] / Sost. S. P. Kononova. – Sankt-Peterburg: Filial izdatel'stva «Prosveshchenie», 2002. – 216 s. (in Russian)
- Tatarincev B. I. Smyslovyje svyazi i otnosheniya slov v tuvinskom yazyke* [Semantic communications and the relations of words in the Tuva language]. – M.: Nauka, 1987. – 200 s. (in Russian)
- Hantysko-russkij slovar' (kazymskij dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (kazymsky dialect)] / V.N. Solov'ov / Obsko-ugorskij institut prikladnyh issledovanij i razrabotok. – Tyumen': Format, 2014. – 386 s. (in Russian)
- Cypanov E.A. 'Schast'e' i 'udacha' v finno-ugorskih yazykah* ['Happiness' and 'success' in Finno-Ugric languages] // *Linguistica Uralica*. – 2011. – № 4. – S. 265–275. (in Russian)
- Cheremisina M. I. Yazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of indigenous people of Siberia]: Uchebnoe posobie / Novosibirskij gosudarstvennyj universitet. – Novosibirsk, 1992. – 92 s. (in Russian)
- Söder T. "Walk This Way": Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 33.* – Uppsala, 2001. – 154 pp.
- Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache.* – Berlin, 1966–1991.

Kaksin A. D.

Institute of Humanitarian Researches and the Sayan-Altai Turkology of the Katanov Khakass State University.

Ul. Lenina, 90, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655017.

Khakass Research Institute of Language, Literature and History.

Ul. Shchetinkina, 23, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655017.

E-mail: adkaksin@yandex.ru